

Патриотизм и любовь

Предлагается смешанный в жанровом отношении текст: публицистика, медицинская психология, лингвистика, воспоминания.

Начнем со словарных определений. Хорошую подборку синонимов к Патриотизму находим в словаре Даля: «Патриот — любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник» [3: III, 19]. В XIX веке слова «патриот» и «патриотизм» были книжными, литературными, а «любовь к отечеству» была куда более популярной. Заметим, что в «Словаре языка Пушкина» слова с корнем «патриот» встречаются всего десяток раз [8: III, 300]; «родина» — 22 раза [8: III, 1078], «отечество» же во много раз больше — 128 [8: III, 220]. А во второй половине XX века, наоборот, «патриотизм» стал более массовым, чем «любовь к родине» и «любовь к отечеству». Возможно, сыграла роль бóльшая краткость понятия по сравнению с оборотом в три слова. Но, наверное, подействовала и бóльшая содержательность термина: в XX веке широко распространилось понятие «малой родины» — местности, города, села, даже иногда улицы и дома, где вырос говорящий. Поэтому «местный патриотизм» расширил понятие.

Интересно, что любовь к малой родине в литературном наследии — понятие довольно молодое. М. В. Строганов, издавший «Полное собрание стихотворений» известного современника Пушкина П. А. Плетнева, считает этого поэта родоначальником понятия¹ [5: 14]: и уже после Плетнева на эту тему писали Боратынский, Вяземский, а особенно — Пушкин, с его знаменитыми строками «Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам» («Два чувства дивно близки нам...», 1830). Таким образом, патриотизм стал значительно более емким понятием.

Еще более широкое понятие — Любовь (если у Пушкина слово «отечество» встречается 128 раз, то «любить» — 614, «любовь» — 630 раз, т. е. на целый порядок выше) [8: II, 549–551]. За формулировкой опять обратимся к Далю: любить — «чувствовать любовь,

¹ См. его стихотворения «К моей родине. Элегия» (1820) и «Родина» (1823) — о последнем высоко отзывался Пушкин.

сильную к кому привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотенье; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, волею (не рассудком), иногда и вовсе безотчетно, безрассудно» [З: II, 881–882]. Очень обширно и точно сказано. Я бы только одно уточнение внес: «сильную к кому привязанность» расширил бы, включив и неодушевленный объект: «сильную к кому или чему привязанность»: ведь ниже и сам Даль пишет: «предпочтенье кого или чего».

Любовь включает необычайно широкий круг объектов: кроме патриотической любви, мы знаем любовь к Богу и религиозному миру (читайте Новый Завет!); конечно — к людям (здесь и само понятие возникло, и вообще здесь гнездятся самые сложные любовные явления); к животным (вспомним тургеневского «Муму» и рассказы Сетона-Томпсона); к природным предметам (значительная часть мировой поэзии посвящена природе); даже к вещам (гоголевский Тарас Бульба, презрев смертельную опасность — догоняли польские полки, — стал искать в траве потерянную любимую люльку, т. е. трубку, с табаком).

Сильные любовные чувства могут, к сожалению, смешиваться с противоположными сферами, прежде всего с ненавистью. Здесь возможны и парадоксальные сочетания противоположностей во взаимоотношениях любящей пары, отображенные еще в стихах знаменитого римского поэта Катуллы («Да, я люблю; люблю и ненавижу, // Да, ненавижу; ненавижу и люблю»), и эгоистическая любовь к своему, разогревающая ненависть к чужому (немецкие фашисты, при болезненном германском патриотизме, точнее сказать — при шовинизме, яростно ненавидели все не-германское, вплоть до призыва уничтожить целые нации, им чужие). За последнее время в печати стал появляться даже новый термин — этнофилетизм, негативно оценивающий эгоистическую любовь к своему этносу (лучше бы назвать — этнофильство, но в обоих случаях для уяснения твоего отношения к термину необходим контекст; так что еще лучше пользоваться старым уже понятием «шовинизм»).

Христианское мировоззрение и мирочувствование отлично от других религий прежде всего тем, что утверждает любовь как главную основу жизни и потому борется с ненавистью. («Христос — это любовь» — всю жизнь проповедовал устно и письмен-

но дорогой мне архимандрит Феодор, А. М. Бухарев; официальная Церковь далеко не все принимает у несчастного архимандрита, но, надеюсь, в своей формуле он твердо стоит на христианском фундаменте). Интересно, что в Библии слова «ненависть», «ненавистный», «ненавистник» встречаются только в Ветхом Завете; несколько употреблений слова «ненавидеть» в Новом Завете демонстрируют не только негативную оценку сущности, но и христианское прощение: проповедуется «благотворите ненавидящим вас» (Мф 5: 44; Лк 6: 27). Аналогичный контраст мы видим в использовании слова «враг»: в Ветхом Завете оно встречается 247 раз, а в Новом — всего 29 [7]. Насколько Ветхий Завет суровее и ожесточеннее Нового! Надо, правда, учесть, что Ветхий Завет по объему текста в три раза больше Нового Завета. И еще следует учесть, что я использую русский перевод Библии: в греческом подлиннике могут быть несколько иные толкования слов, несколько иные смысловые границы в словах. Интересно: после моего доклада на данную тему в РГПУ им. А. И. Герцена доцент Ю. В. Балакшина сказала, что в самом конце Евангелия от Иоанна в обеденной беседе Христа с учениками употребляется два понятия *любви*: *агапао* (ἀγάπῳ, любить как «ценить, высоко ставить») и *филео* (φιλέω, любить как «радушно принимать, целовать»), в русском же тексте эта игра слов никак не обозначена.

В противовес «ненависти», диспропорция употребления «любовных» слов в Ветхом и Новом Заветах показывает противоположное соотношение. В Ветхом Завете «любить» встречается 74 раза, «любовь» — 29 раз, а в Новом «любить» — 70, «любовь» — 102 раза. Забавно: слово «любownik» (конечно, в связи с блудницами) встречается (8 раз) только в Ветхом Завете! [7].

Классики русской литературы убедительно описывают в своем творчестве христианское мировоззрение и мироощущение. В «Словаре языка Пушкина» ярко отображена противопоставленность любви и ненависти: слово «ненависть» встречается 29 раз, «ненавидеть» — 32 раза [8: II, 849]; «любовь» же — 630 раз, «любить» — 614, т. е. разница ровно в 20 раз! Интересно однако, что Пушкин постепенно шел к христианскому мировосприятию. Есть у поэта замечательные черновые наброски к выдающемуся позднему стихотворению «Вновь я посетил...» (1835), и в этих набросках он вспоминает совсем другой свой облик в юности:

...всяк предо мной
 Казался мне изменник или враг.

 И бурные кипели в сердце чувства
 И ненависть и грезы мести бледной...

Нужно было пройти сквозь трудные жизненные испытания, чтобы наконец просить Бога: «И дух смирения, терпения, любви // И целомудрия мне в сердце оживи» («Отцы пустынники и жены непорочны...», 1836).

Показательно у Пушкина постоянное связывание *любви с сердцем*. Они действительно близки в нашем сознании, понятия «мой любимый» и «мой сердечный» — синонимы; редкая любовная песня обходится без включения сердца: всегда вспоминается песня Утесова (т.е. Дунаевского) из «Веселых ребят»: «Сердце, тебе не хочется покоя...». Так что мы как бы находим в нашем физиологическом корпусе источник, ядро великого чувства. Можно и в самом деле материально воспринимать любовь как возникшую в сердце, в груди: когда вспыхивает и горит сильное любовное чувство, то именно в груди появляется нервное стеснение, давление, жжение... Если же подходить к любви с медицинской точки зрения, то материальная основа любовного чувства находится даже не в сердце, а в голове, в определенных участках головного мозга. Ученые к XXI веку уже точно определили эти участки, открыли химические вещества, образующиеся в них в периоды любовных состояний индивидуума. Правда, обычный человек, не отягощенный научными познаниями, понятия не имеет ни об участках мозга, ни о разных там дофаминх и серотонинах, ему для теоретического плана в материальном отношении вполне достаточно незабываемого ощущения в груди.

Конечно, если посмотреть исторически, если обратиться к древним эрам, то там мы найдем именно серьезную и фундаментальную материальную подкладку — сексуальную основу жизни; в относительно бездуховном мире древних людей при этой основе лишь постепенно вырабатывались психологические притяжение и избирательность (впрочем, исследования последних десятилетий показывают, что уже у неандертальцев стали появляться элементы духовной жизни). А потом человечество создало (или это привнесено Богом?) душу и дух, которые присвоили себе любовь и сердце...

И тогда материальное стало иногда даже игнорироваться как низменное начало.

Не будем, однако, абсолютизировать, не будем отторгать сердце и любовь от материальности. Видные поэты всех народов очень часто не забывали эту вторую часть. Замечательно охарактеризовал свою любимую Борис Чичибабин, подчеркивая двойную сущность родного человека: «с душой Христа и телом Афродиты». А раньше он был еще более материален. В самом эротическом, по моему мнению, стихотворении XX века («Мне с тобой никогда...», начало 1960-х гг.) он наиболее «телесен», предметно телесен. А вот Пушкин был виртуозно способен обходиться без телесности. Тоже в самом эротическом, как считаю, стихотворении — но уже XIX века — «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1830) он материален, но абсолютно не телесен: поэт смог чуть ли не физически описать любовные объятия, не введя ни одной части человеческого тела.

Но все-таки душа и дух — главные хозяева любви нового времени. Занимаясь частотными словарями русских поэтов, я выделял самые часто встречающиеся имена существительные. И вот что получилось: у Пушкина — день, любовь, душа, ночь, взор, пора, конь; у Тютчева — жизнь, небо, душа, любовь, свет, сон, Бог [1]; у Хомякова — небо, Бог, сердце, душа, мир (общество), сила, песня (данные по Хомякову из моего личного архива — *Б.Е.*). Душа присутствует во всех семерках, а любовь у Хомякова общепонятно заменена сердцем, но таким образом у всех трех поэтов душа и любовь господствуют в самых началах громадных списков имен существительных. Очень показательно!

Из всех видов любви самые мощные и глубинные — любовь к Богу, к родине, к человеку. Любовь к Богу, весьма древняя любовь, прекрасно запечатлена в Новом Завете и в трудах выдающихся богословов. И каждый верующий человек может рассказать о своем чувстве, хотя далеко не каждый будет реально обнародовать свои сокровенные переживания. Вероятно, любовью к Богу одарен и каждый истинный представитель других, кроме христианства, серьезных конфессий.

Патриотизм — относительно позднее понятие: надо было появиться пространственным участкам, воспринимаемым как свое, родное. Интересно, что понятие «отечество» еще отсутствует в Ветхом Завете, оно появляется в Новом: в Евангелиях и в посланиях

апостола Павла. Так что можно было бы сказать, что патриотизм возник в христианскую эру. Но все-таки следует учесть, что уже значительно раньше у древних иудеев и древних греков существовала очень сильная и крепкая любовь к родному краю; может быть, еще не была выработана похожая на наш словарь терминология, но чувство, несомненно, уже существовало.

Стало ли чувство патриотизма (и соответственно — понятие, обособившее это чувство) природным, генетическим для человека? Очевидно, нет: жизненные впечатления и воспитание создают его и усиливают (может быть, в особых случаях и ослабляют). Но у меня есть глубокое убеждение, что сформированная веками и тысячелетиями генетическая структура человека получила определенные задатки нервно-психологической системы, которые способствуют появлению и развитию патриотизма. И здесь в самом деле большую роль играют жизненная практика человека и воспитание, семейное и социальное.

Очень важны при этом достойные общественно-политический статус в стране и ее экономическое состояние, развивающие чувство гордости за свою родину (а это чувство — важная подпитка патриотизма). Негативные явления, конечно, не способствуют качественному воспитанию. Недавно опубликовали замечательную фразу Юрия Гагарина (в пересказе его племянницы Тамары Филатовой): «... о каком воспитании патриотизма у молодежи может идти речь, если был взорван храм, построенный на народные деньги в честь победы в Отечественной войне 1812 года» [6: 46]. Речь идет о московском Храме Христа Спасителя.

Но глубокое, укоренившееся чувство патриотизма не может быть поколеблено даже потрясающими негативными фактами. Актриса и поэт Любовь Юльевна Зубова, познавшая аресты и расстрелы близких, сама пережившая тюрьмы и ссылки, заканчивает свои воспоминания выводом: «Я горжусь своей Родиной и горжусь, что мне посчастливилось родиться в России» [4: 220].

Чувство патриотизма, несомненно, глубже и сильнее чувства классового и социально-политического. Абсолютный противник большевизма генерал Деникин в тяжелую годину Великой Отечественной войны готов был помогать (и помогал, как мог) Советской России. То же можно сказать о Рахманинове.

Однако имеются патологии, прежде всего — недоразвитость или даже полная неразвитость патриотизма (как и отмеченных выше

психологических задатков этого явления). Если есть люди с нарушениями зрительных нервов, так называемые дальтоники, то почему бы не быть и дальтоникам патриотизма? Среди проповедующих нарочитый отказ от любви к родине, т. е. так называемый космополитизм, наверное, есть и не больные, а просто прохиндеи, политические деятели, которым по каким-то причинам выгодно такое проповедовать, но я знал и реальных дальтоников, утверждавших отсутствие в их душах патриотизма. Наверное, таких дальтоников может особенно наглядно создавать не фиксированный в пространстве, а бродячий образ жизни — индивидуально или даже в коллективе, т. е. отсутствие родных мест. Интересно, занимался ли кто-нибудь исследованием цыганских общин с точки зрения наличия у его членов патриотизма? Опять же предположение: у подобных людей патриотизм геометрический (государство, область, город или селение), может быть, заменяется этническим? любовью к своему племени? любовью к цыганскому бродяжничеству? У обычных же людей оба патриотизма сливаются: вижу вокруг себя массы, любящие и родину, и свою нацию. Кстати сказать, в XX веке началось «оседание» цыган в конкретных городах и поселках, этот процесс будет продолжаться, и, может быть, бродяжничество как массовое явление исчезнет?

Но мы должны учитывать развитие другого бродяжничества: индивидуальное или массовое перемещение людей внутри страны или даже в международном плане (по самым разным причинам и поводам). Будет ли это сохранять (или развивать) патриотическое чувство? А как быть с космонавтами, надолго покидающими Землю? В их среде уже возникали мысли: как будут чувствовать себя люди в звездолетах, покинув солнечную систему и рассматривая Землю как обычную звездочку на Млечном Пути?

Равноценен ли патриотизм в различных социальных слоях общества? В последние годы появилась в нашей стране довольно обширная группа толстосумов, переводящих свои капиталы за границу, посылающих детей учиться в американские и английские университеты, выискивающих каждый свободный день, чтобы отправиться развлекаться за рубеж, и все это создает впечатление, что богатство порождает космополитов, полное равнодушие к отечеству. Недавно на эту тему появилась специальная статья Михаила Веллера «Россия — лишь территория кормления?». «У крупного капитала нет родины» [2: 41], — резюмирует автор. Вряд ли можно

согласиться с таким обобщением. Кажется, все наши знаменитые толстосумы прошлых веков — Строгановы, Морозовы, Рябушинские, Третьяковы и т.д. — были настоящими патриотами, так что дело не в богатстве, а в каких-то социально-исторических явлениях, обусловивших появление нынешних миллионеров.

Если известна патология отсутствия патриотизма, то вполне возможна и патология чрезмерности. Некоторые деятели славянофильской ориентации, особенно Константин Аксаков, идеализировали отечественную историю, считали, что Россия как бы предназначена Богом сохранять и проповедовать христианство для всего мира, что русский народ христианский не только по исповеданию, но и по всей своей жизни, по крайней мере — по стремлениям своей жизни. Тоже убежденный славянофил А. С. Хомяков, сам иногда грешивший историческими и социальными утопиями, все же активно упрекал Аксакова за чрезмерности.

Патриотизм становится особенно заметным в трудные периоды жизни отечества, а также при пребывании вне родного края. Мои родственники, два брата Коженковы, работавшие в знаменитом Краснознаменном ансамбле песни и пляски Александрова, после Великой Отечественной войны много гастролировали за границей, и их рассказы о русских эмигрантах, посещавших их концерты, впечатляли. Особенно потрясал рассказ о двух нестарых белоэмигрантах в Шанхае, которые прямо на спектакле умерли от сердечного волнения.

Я это очень хорошо понимаю и чувствую, так как сам испытал сильную тоску по родине, находясь за границей. И даже находясь на территории Советского Союза вне Российской Федерации. Когда я после двух эвакуационных военных лет в Ташкенте в 1945 г. возвращался домой и когда после нескольких дней казахских песков и степей где-то под Оренбургом зелено вспыхнула молодая березовая роща, то я истерично разрыдался. Очень удивился взрыву чувств: взрослый мужчина, достаточно собранный и спокойный, вдруг плачет, как ребенок.

Любовь к родине — сильная любовь. Она бывает сильнее страха смерти. Известны крылатые слова революционного вождя Дантона. В ответ на советы друзей бежать из Франции, так как ему грозит казнь (Робеспьер убирал всех своих противников!), Дантон произнес: «Разве унесешь Родину на подошвах сапог?» — и остался, и потом взошел на гильотину.

Чрезвычайно ценен лозунг испанских республиканцев, сражавшихся с армией Франко: *Patria o muerte!* (Родина или смерть!). Лозунг очень многозначный. Его можно истолковать, во-первых, как призыв настойчиво добиться победы, в противном же случае бойцов ожидает смерть; во-вторых, поражение в борьбе означало бы смерть республике, нельзя этого допустить. Но можно найти в лозунге и достаточно потаенный смысл, акцентируя контрастность понятий: родина и смерть — антонимы; но антонимы также любовь и смерть, т. е. родина выступает аналогом любви. И недаром эти оба понятия, синоним патриотизма, так слитны. Подражая архимандриту Феодору с его формулой «Христос — это любовь», можно сказать аналогично: «Патриотизм — это любовь». Собственно говоря, выражение «любовь к родине» содержит тот же самый смысл.

Если при патриотизме появляется ненависть к другим народам и странам, то это разрушает патриотизм, он превращается в пейоративное понятие «шовинизм». Настоящий патриот, любя родину, понимает и чувствует, что другой, «чужой», может так же сильно любить свою родину, и это вызывает не раздражительное отталкивание, а уважение и симпатию: тот такой же, как я, он тоже любит и отдает себя любимому.

Есть однако исключение: если «чужой» оказывается не любящим мир, а явно ненавидящим чуждое ему, т. е. *твое*, и агрессивно нападающим на твое, готовым уничтожить твое, то ты имеешь полное право совсем не по-толстовски ответить насилием на насилие. Жестокая горьковская формула, понравившаяся Сталину: «Если враг не сдается, его уничтожают» (так называлась статья М. Горького, в 1930 г. одновременно напечатанная в «Правде» и «Известиях»), в тогдашних условиях начинавшегося террора отвратительна, но, к великому сожалению, в трудных, критических случаях она оказывается необходимой. Вряд ли в современной борьбе человечества с исламскими террористами может быть применена более мягкая формулировка.

Учтем, что христианство, не принимая насилия, негативно относится к мрачной формуле Горького. Но может ли и христианство обойтись без насилия? Ведь Христос, изгоняя торгашей из храма, применил к ним насилие: «... выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей» (Мф. 21: 12). Есть в Новом Завете одно странное место,

где речь идет не просто о насилии, но даже о казни; Христос на пути в Иерусалим рассказывает притчу, и там некто обратился к предстоящим: «...врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною» (Лк. 19: 27). Конечно, это притча, и один близкий мне богослов даже утверждал, что тут есть намек на Страшный Суд. Да, на Страшном Суде насилие предполагается очень жестоким: «...изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 13: 49–50). Так что Новый Завет демонстрирует сложное отношение к насилию. Последующие века еще больше усугубили эту сложность, особенно при страшных войнах, когда церковь оказывается включенной в борьбу своего народа.

Мои личные убеждения бывают, видимо, не всегда христианские: считаю, что в безвыходных ситуациях смертельного врага надо уничтожать. Утешительно прибегаю к такой мысли: вражеское нашествие и насилие — дьявольское произведение, а силовая борьба с Дьяволом — христианский завет.

Литература

1. *Bilokur Borys*. A Concordance to the Russian Poetry of Fedor Tiutchev. Brown University Press. Providence, 1975.
2. Веллер М. Россия — лишь территория кормления? // Аргументы и факты. 2016. № 13. 30 марта-5 апреля. С. 41.
3. <Даль В. И.> Толковый словарь живаго великорускаго языка В. И. Даля: в 4 т. М., 1863–1866.
4. Лукина Н. В. Поэтесса, прошедшая ГУЛАГ // Петербургский исторический журнал. 2016. № 1. С. 201–220.
5. Плетнев П. А. Полное собрание стихотворений. Минск, 2014.
6. Позднякова М. Настоящий русский парень // Аргументы и факты. 2016. № 14. 6–12 апреля. С. 46.
7. Симфония или Алфавитный указатель к Священному Писанию. Изд. 3-е. Корнталь, 1971.
8. Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 2000.

Два дворянских гнезда / два деятеля русской культуры: М. Бакунин — К. Аксаков

Мишель и Костинька, а иногда Конста — так называли Михаила Бакунина и Константина Аксакова в пору их молодости близкие, прежде всего — сестры, обожавшие своих старших братьев, талантливых, постоянно философствующих, эстетически одаренных. Их ранние письма и дальнейшие судьбы побуждают поразмышлять об истории отечественной мысли и непосредственной жизни в их переплетении, а также — о **путях** русской общественной мысли, зарождавшейся в едином контексте и затем разошедшейся по двум противоположным направлениям.

Своеобразным толчком для этой темы явились организованные Борисом Федоровичем Егоровым публикации в Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома еще на 1973 год. Этот выпуск, вышедший в свет в 1976-м, был посвящен публикациям писем молодых авторов: Борис Федорович опубликовал письма В. П. Боткина 1837–1838 гг. к М. А. Бакунину [8: 90–103], поручив мне публикацию писем К. С. Аксакова 1836 г. к М. Г. Карташевской [3: 74–89].

Михаил Бакунин и Константин Аксаков являют собою две равно интересные, но противоположные линии российского исторического развития. Один, идеолог анархизма, вошел в историю как своего рода апостол разрушения, сказав: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть» [7: III, 7], другой — апостол созидания, а если сказать скромнее, то — апостол консерватизма: непоколебимый и убежденный защитник тех идей, которые принял как единственно истинные.

Аксаков и Бакунин были знакомы, являясь членами кружка Н. В. Станкевича, то есть оба вышли из философского, а точнее, философско-эстетического десятилетия. Аксаков даже посвятил Бакунину стихотворение, назвав его «Молодой крестonosец». Оба были связаны с русской усадебной культурой: «Прямухино» и «Абрамцево» — два известных ее очага. Но если в жизни Бакунина